

© 2005 г. А. А. ГИППИУС

К ИЗУЧЕНИЮ КНЯЖЕСКИХ УСТАВОВ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА: “УСТАВ КНЯЗЯ ЯРОСЛАВА О МОСТЕХ”

“Устав князя Ярослава о мостех” (далее УМ) — самый короткий из древнерусских княжеских уставов и вместе с тем один из наиболее сложных для анализа. Содержание памятника, регламентирующего порядок благоустройства центральной территории Новгорода, давно закрепило за ним значение ценнейшего источника по исторической топографии города и социальной истории Новгородской земли. Однако извлечение из этого источника достоверной исторической информации затруднено до крайности. Отсутствие имеющейся в других княжеских уставах преамбулы с изъяснением обстоятельств и целей издания акта, предельная насыщенность текста топографической и социальной терминологией и, особенно, крайний лаконизм, с которым УМ разверстывает мостовую повинность, делают его текст предметом самых разноречивых толкований. Трудности понимания усугубляются сложной историей памятника, дошедшего в пятнадцати списках, довольно существенно различающихся между собой, и уже в архетипе этих списков содержавшего позднейшие интерполяции.

Указанные особенности УМ ставят его интерпретацию как исторического источника в прямую зависимость от результатов критики текста памятника. В задачи последней входят: 1) реконструкция архетипа сохранившихся списков; 2) реконструкция первоначального вида документа до внесения в него интерполяций; 3) осмысление общей структуры текста и его перевод. Хотя усилиями ряда исследователей сделано уже очень много для решения этих задач, к непротиворечивому прочтению документа в целом пока прийти не удастся. Представляется, что такое положение во многом объясняется тем, что УМ, за всю историю его изучения, ни разу не стал объектом специального филологического анализа. Настоящая работа призвана в какой-то степени компенсировать этот недостаток. Опираясь в основном на филологические данные, мы попробуем предложить новую, уточненную реконструкцию исходного текста памятника, расчистив таким образом путь к его адекватной историко-топографической интерпретации.

Гиппиус Алексей Алексеевич — канд. филол. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Работа выполнена в рамках программы ОИФН РАН “История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте” (проект “Языки Славии: диахроническая типология”).

Магистральное направление в современном изучении УМ задано работой В. Л. Янина [1]. обстоятельному историко-топографическому комментарию к тексту УМ исследователь предпослал его текстологическое исследование. Опираясь на классификацию списков в академическом издании “Русской Правды”, В. Л. Янин показал, что наиболее близким к архетипу памятника является его Археографический вид, а в его пределах — текст, дошедший в составе Комиссионного списка Новгородской первой летописи (далее — НПЛ). Исследователь также выявил в тексте УМ вторую интерполяцию (первая, упоминающая новгородские сотни, была выявлена М. Н. Тихомировым [2. С. 146]) и обосновал датировку памятника временем княжения в Новгороде Ярослава Ярославича (не позднее 1265–1267 гг.).

Первоначальный текст УМ без интерполяций реконструируется В. Л. Яниным в следующем виде:

“А се устав Ярослава князя о мостех. Осмеником поплата. В Людин конец через греблю к Добрыни улицы, в городная ворота до Пискупли улице, с прусы до Бориса и Глеба мостити, а Чюдинчеве улице с загородци до городнихъ воротъ. А владыце сквозе городнаа ворота с изгой и с другими изгой до Острои городне, до софьян, софьяном до тысячьского, тысячьскому до вошник, от вошник посаднику до великого ряду, от великого ряду князю до Немецкого вымола, немцем до Ивана вымола, гтом до Алфердова вымола до заднего, а от Алфердова вымола огнищаном до Будятина вымола, ильинцам до Матфеева вымола, михайловцам до Бардовы улице, а витковцам до Климятиных сенеи” [1. С. 95–96].

В этом реконструированном тексте В. Л. Янин выделил 15 фрагментов и топографически идентифицировал их, нанеся соответствующие участки мощения на план средневекового Новгорода. Характеризуя содержание памятника в целом, В. Л. Янин пишет: «“Устав” в высшей степени избирателен. Он разверстывает мостовую повинность, касающуюся лишь общественных центров: Детинца и непосредственных подходов к нему, главных магистралей Торга, дорог, соединяющих Торг, иноземные фактории и город как таковой с пристанями. Вероятно, забота о возобновлении рядовых уличных настилов лежала на самих уличанах. Однако в УМ в то же время нет ни слова о столь важных и также общественных территориях, как, например, вечевые площади, не говорит он и о мощении въезда в Детинец со стороны Неревского конца. Главная цель “Устава” — организовать те магистрали, которые обслуживают Торг. Это относится непосредственно и к улицам Детинца, выводящим к Великому мосту: именно по этим улицам шло торговое движение с Софийской стороны города» [1. С. 108].

С торговой направленностью документа В. Л. Янин связывает и то, что сбор платы за мощение перечисленных в нем участков УМ поручает осменникам (осьмникам)¹ — сборщикам торговых пошлин. Используя данный аргумент, исследователь исходит из традиционного понимания слов *осменикомъ поплата* как отдельной фразы, примыкающей к заголовку УМ. Основной текст документа начинался, по Янину, словами *Людин конец через греблю к Добрыни улицѣ...* Восстанавливая его таким образом, то есть считая Людин конец первым из названных в УМ субъектов мощения, В. Л. Янин отступает от признанного им наиболее достоверным Комиссионного списка (где, как и в других списках, читается *въ Людинъ ко-*

¹ В написании данного термина в исторической литературе отсутствует единообразие, встречаются варианты *осменник, осменик, осмник*. Мы отдаем предпочтение написанию *осьмник* как наиболее отвечающему внутренней форме древнерусского слова (о чем см. специально ниже) и не входящему в противоречие с правописанием основы (*восьм-* в современном русском языке).

нець), и опирается на уникальное чтение летописи Аврамки, в которой предлог *въ* отсутствует.

Данное звено построения В.Л. Янина вызвало конструктивную критику А.В. Кузы [3. С. 303–304]. Отметив текстологическую необоснованность устранения предлога *въ* из первой фразы УМ, А.В. Куза предлагает читать текст так, как его передают все списки, кроме летописи Аврамки; при этом упоминание осьмеников относится исследователем не к заголовку, а к основному тексту: *Осменикомъ поплата: в Людинъ конецъ чересь греблю к Добрыни улицы, в городная ворота до Пискупли улицѣ, с прусы до Бориса и Глѣба мостити*. Эта принципиальная поправка превращает осьмеников из получателей “поплаты” в одного из субъектов мощения, а Людин конец, напротив, из субъекта мощения — в топографический ориентир.

С дополнительной аргументацией поправка А.В. Кузы была поддержана В.А. Буровым [4. С. 84–85], предложившим также ряд других коррективов к схеме В.Л. Янина. К ним мы еще вернемся, пока же заметим, что оба автора исходят в своем понимании УМ из восстановленного В.Л. Яниным первоначального текста, причем следуют ему даже более последовательно, чем сам В.Л. Янин.

Принципиально иной подход демонстрирует в новейшем исследовании УМ Д.А. Петров [5]. По его мнению, текст, принимаемый В.Л. Яниным за первоначальный, таковым быть признан не может, ибо содержит массу искажений, возникших как вследствие внедрения в исходный текст инородных вставок, так и просто из-за непонимания его переписчиками. Собственный анализ приводит Д.А. Петрова к неутешительному выводу: поскольку все списки памятника содержат “массу дефектов и лакун”, “установить его достоверный текст не представляется возможным” [5. С. 39]. Несмотря на это, исследователь все же дает свою реконструкцию первоначального текста, изобилующую вопросами и предполагаемыми лакунами².

К счастью, пессимистичное заключение Д.А. Петрова является последним словом о нашем памятнике только хронологически: автору остались неизвестны работы его прямых предшественников, принципиальная поправка А.В. Кузы, исправляющая построение В.Л. Янина в его наиболее уязвимом звене, им даже не обсуждается. Полемизируя с В.Л. Яниным, Д.А. Петров не счел нужным оспорить его текстологическую аргументацию в целом. В предлагаемом им альтернативном анализе разрозненные текстологические соображения переплетены с историко-топографическими, из-за чего итоговая реконструкция оказывается весьма эклектичной.

Скепсис Д.А. Петрова вызывает, очевидно, точность, с какой реконструкция В.Л. Янина следует Комиссионному списку Археографического извода (поправка А.В. Кузы, как мы видели, делает ненужным единственное отступление от этого списка). Однако предпочтение, оказываемое Комиссионному списку, объясняется его объективным положением в стемме, восстанавливаемой путем группировки

² “А се устав Ярослава князь о мостех, осмеником поплата. В (?) Людин конец через греблю от (?) Добрыни улицы, в городние ворота до Пискупли улицы, а Пискупли улице с прусы (возможна лакуна) до Бориса и Глеба, а Чюдинцеве улице с загородцы до городних ворот, а владыке сквозь городние ворота с изгой до Острои городни и съ другими изгой до софьянь (возможна лакуна), софьяном до тысяцко-го, тысяцкому до вошник, от вошник посаднику до Великого ряду, от великого ряда князю до Немецкого вымола, немцем до Ивана вымола, от Ивана вымола готом до Гералдова (?) (Алфердова?) вымола до заднего, а от Гералдова (?) (Алфердова?) вымола, огнищанам до Бутягина вымола (возможна лакуна), ильинцам до Матфеева вымола, Михайловой улице до Бардовы улице, а витковлянам до Климияных сеней” [5. С. 39].

списков на основе бесспорных общих искажений. Таким образом устанавливается не только существование общего архетипа Троицкого, Оболенского и Бальзеровского видов УМ, составляющих Карамзинскую группу, но также общего архетипа Карамзинской группы и Пушкинского списка. В пределах Археографического извода общие вторичные чтения позволяют возводить к одному архетипу списки УМ в Соловецкой кормчей 1493 г. и Летописи Аврамки³. Между тем заведомо вторичные чтения, которые бы объединяли Пушкинский извод с Археографическим, отсутствуют, как нет и очевидных искажений, общих для всех списков Археографического извода. Таким образом, текстологическая необходимость реконструировать отдельный архетип Археографического извода, отличный от архетипа УМ, вообще говоря, отсутствует, и к последнему могут независимо восходить 1) архетип Пушкинского списка и Карамзинской группы, 2) архетип Соловецкого списка и Летописи Аврамки и 3) Комиссионный список.

Принятие такой схемы соотношения изводов УМ, несколько модифицирующей стемму В. Л. Янина [1. С. 95], означало бы, что текст архетипа УМ может быть почти в полном объеме достоверно восстановлен сравнительно-текстологическим методом. Нетрудно убедиться в том, что результат этого восстановления оказывается практически идентичен тексту Комиссионного списка. Отступления от него были бы необходимы там, где индивидуальное чтение Комиссионного списка противостоит общему чтению остальных изводов, однако такие случаи отсутствуют.

Нужно, впрочем, заметить, что полное восстановление истории текста УМ возможно лишь в связи с историей “Русской Правды”, спутником которой наш памятник является в рукописной традиции. Не исследовав этой стороны дела, нельзя исключить, что списки, традиционно объединяемые в Археографический извод, все же восходят к общему архетипу, и лишь через него — к архетипу УМ. Однако и в таком случае первоначальные чтения восстанавливаются для большей части текста вполне надежно. Очевидно, что индивидуальные чтения Пушкинского списка, которым противостоят общие чтения Карамзинской группы и Археографического извода, к исходному тексту восходить не могут. Между тем такие чтения в избытке присутствуют в реконструкции Д. А. Петрова, видимо, полагающегося на Пушкинский список просто в силу его большей древности.

Итак, общий вывод В. Л. Янина, согласно которому архетипический текст УМ точнее всего передан Комиссионным списком, представляется весьма обоснованным. Считая так, мы тем не менее не можем полностью согласиться с предложенной исследователем (и принятой, с уже указанной поправкой, А. В. Кузой и В. А. Бутовым) реконструкцией первоначального текста памятника и хотели бы еще в двух пунктах скорректировать ее.

Чтобы обосновать эти дополнительные коррективы, прибегнем к такому идеологически нейтральному инструменту, как наблюдение над общей структурой текста УМ, в том виде, в каком его восстановил В. Л. Янин. Для начала запишем этот текст (расставив *ѣ* и *ѡ* на конце слов) в форме таблицы, колонки которой соответствуют основным структурным компонентам УМ (см. таблицу на с. 13).

Колонки 2 и 3 таблицы соответствуют субъекту мощения. Этот субъект может быть простым (в таком случае он выражается формой дательного падежа — колонка 2) или составным (в таком случае при основном обозначении субъекта имеется зависимая словоформа творительного падежа — колонка 3). Колонки 1 и 5 соответ-

³ *Быкова* вместо *Бъвыкова* Комиссионного списка (при правильном *Бовыкова*), *Лоучкая* вместо *Лоужская* (из *Лоужьская*), пропуск слов *до заднего а от Алфердова вымола*.

1	2	3	4	5	6
	осменикомъ		поплата	в Людин конецъ через греблю к Добрыни улицы в городная ворота до Пискупле улице	
	а Чудинцевъ улице	с прусы		до Бориса и Глеба	мостити
	А владыцѣ	съ изгой		до городных ворот	
		и съ другими изгой		сквозе городная ворота до Острои городнѣ до софьянъ	
	софьяномъ			до тысячьского	
	тысячьскому			до вощникъ	
от вощник	посаднику			до великого ряду	
от великого ряду	князю			до немецкого вымола	
	нѣмцемъ			до Ивана вымола	
	гтомъ			до Алфердова вымола до заднего	
от Алфердова вымола	огнищаномъ			до Будятина вымола	
	ильищамъ			до Магфеева вымола	
	михайловцамъ			до Бардовы улицѣ	
	витковцам			до Климятинныхъ сеней	

ствуют объекту мощения, обозначение которого может включать или не включать указание начала участка (в форме родительного падежа — колонка 1). В колонках 4 и 6 заполнено по одной строке, однако в отличие от позиций 1 и 3, заполнение которых носит в принципе факультативный характер, данные позиции составляют принципиально важные звенья структуры текста. Употребленные по одному разу в начале текста, слова *поплата* и *мостити*, оказываются тем самым как бы вынесенными за скобки, имплицитно присутствуя в составе всех остальных фрагментов. Так, например, фрагмент *7 тысячьскому — до вощник* есть сокращенная запись фразы, которая в развернутом виде имела бы вид: **тысячьскому оплата — до вощник мостити*, что означает ‘тысяцкий платит за мощение (участка) до вощников’.

Нераспознавание такой структуры текста лежит в основе уже упоминавшейся точки зрения, выделяющей слова *осмеником оплата* в отдельную фразу, будто бы означающую, что плата за мощение перечисленных в УМ участков собирается осмниками — сборщиками торговой пошлины. При таком прочтении оказывается, что субъект мощения первого участка в тексте вообще не назван. Не решает проблемы и предложение В. Л. Янина считать первоначальным чтение списка Аврамки, где предлог отсутствует: форма именительного падежа *Людинь конець* не сочетается с инфинитивом *мостити*, требующим субъекта в форме дательного падежа. Таким образом, структурные соображения заставляют решительно присоединиться к трактовке данного места, предложенной А. В. Кузой.

Обратимся теперь к колонкам 2 и 3 нашей таблицы. Перечисляемые в УМ субъекты объединяются в несколько категорий. Это 1) высшие представители церковной и светской власти: владыка, князь, посадник, тысяцкий; 2) отдельные социальные группы: осмники, изгои, софьяне, огнищане; 3) иноземные купеческие корпорации: “немцы” и “готы”; 4) население отдельных городских территорий: Загородья (загородцы) и улиц: Прусской, Чудинцевой, Ильиной, Михаиловой, Витковой. В структурном отношении из этих категорий особенно примечательна последняя. Обращает на себя внимание, что в четырех случаях, где субъектами мощения являются уличане, УМ пользуется соответствующими названиями жителей: *прусы*, *ильинцы*, *михашловцы*, *витковцы*, тогда как при указании границ участков употребляются названия улиц: *к Добрыни улицы*, *до Пискупли улицѣ*, *до Бардовы улицѣ*. В том, что такое распределение не случайно, но отражает общую закономерность, убеждает материал НПЛ, где, при высокой частотности названий улиц и уличан, то же распределение соблюдается со стопроцентной последовательностью: нет ни одного случая, где бы название улицы метонимически обозначало ее жителей (то есть, например, вместо *прусы* или *михашловцы* стояло бы *Прусская улица* или *Михашлова улица*).

В УМ данное распределение нарушается единственный раз: *а Чюдинчевѣ улицѣ с загородци до городнихъ воротѣ*. Объяснить это отклонение специфичностью самого названия не представляется возможным: регулярное обозначение жителей Чудинцевой улицы — “чудинцевцы” — засвидетельствовано в НПЛ⁴. Между тем, аномальное в структурном отношении, данное место является таковым и содержательно: Чудинцева улица — единственная из улиц Софийской стороны, жителей которой

⁴ Ср. под 6901(1393) г.: *Поставиша чюдиньцевци церковь камену Усѣбноение главы святого Иоанна Предтеца; а церницинци церковь камену святую Варвару поставиша* [6. С. 397].

УМ называет в качестве самостоятельного субъекта мощения (ср. “прусов”, которые упоминаются лишь в связи с определением участка осьмников)⁵.

Еще одну структурную аномалию можно обнаружить, рассматривая колонку 5. Границы участков мощения определяются в УМ либо топографически (*до Бориса и Глеба, до городских ворот, до великого ряду* и т.д.), либо указанием на предыдущего или следующего субъекта мощения (*до тысяцкого, до воцник, от воцник*). Имеется только один случай, где оба способа совмещены и одна и та же граница определена дважды: *до Острой городни, до софьян*.

Чрезвычайно важным представляется тот факт, что обе отмеченные аномалии (в таблице выделенные курсивом) занимают в тексте аналогичные позиции, а именно приходится на границы основного текста УМ и выделяемых в нем интерполяций. Слова *а Чудинчевѣ улицѣ* непосредственно следуют за словами *до Чудинчевѣ улицѣ*, которыми, согласно В. Л. Янину, заканчивается текст первой интерполяции, а слова *до Острой городни* и *до софьян* обрамляют второй интерполированный фрагмент. Крайне маловероятно, чтобы это двойное совпадение было случайным. Очевидно, что отмеченные нерегулярности в структуре текста представляют собой результат нарушения этой структуры, вызванного внесением в текст двух вставок.

Технический аспект этой операции до сих пор не привлекал к себе должного внимания. В. Л. Янин автоматически относит к первоначальному тексту УМ все, что остается после удаления фрагментов, квалифицируемых как вставки. Такой подход был бы оправдан, если бы вставные фрагменты были написаны специально с целью помещения на их нынешних местах. Интерполированный таким образом текст мог бы с полным основанием рассматриваться как новая редакция УМ (сходным образом эволюционировал, например, текст “Устава Владимира”). Наш случай, однако, совершенно иной. По убедительному заключению самого В. Л. Янина, “вставки, втянутые в текст УМ, несомненно находились на полях авторской рукописи, иными словами, официального оригинала этого документа” [1. С.109] (для второй интерполяции такая трактовка была предложена уже А. Н. Насоновым [7. С. 124]). То, что эти маргиналии не были предназначены для введения внутрь основного текста, ясно из содержания первой интерполяции с перечислением тигожан, коломлян, нередижан, вережан и питьблян, “не имеющих никакого отношения к тому сюжету, изложение которого грубо нарушено их упоминанием” [1. С. 95]. Превращение маргиналий во вставки могло произойти лишь на том этапе истории текста, когда УМ уже утратил статус действующего документа и представлял исключительно “архивный” интерес. Произошло это, судя по всему, при составлении юридического сборника, в котором УМ был впервые объединен с “Русской правдой” и другими статьями, образующими его конвой в сборниках Пушкинского и Археографического видов. Составлявший этот сборник книжник работал не позднее второй половины XIV в., которой датируется Пушкинский список, и, по-видимому, в Новгороде. Он отлично

⁵ По списку УМ можно набрать еще несколько аналогичных примеров, сама разрозненность которых свидетельствует о вторичности соответствующих чтений. В списке Аврамки Археографического извода вместо *с прусы* читается *с Прускои*; в Пушкинском списке вместо *михаиловцамъ – Михаиловѣ улицѣ*; наконец, в Троицком и Оболенском видах, а также в Соловецком списке Археографического вида читаем: *а Пискоуплѣ оулицѣ с проусы до Бориса и Глѣба*. Последнее чтение, из которого выводимо чтение Бальзеровского вида *а от Пискоуплѣ оулицѣ...*, имелось, по-видимому, уже в архетипе Карамзинской группы. Поскольку список Аврамки (восходящий к общему архетипу с Соловецким списком) и Пушкинский список (имеющий общий архетип с Карамзинской группой) совпадают в данном пункте с Комиссионным списком, возводить слова *а Пискоуплѣ оулицѣ* к архетипу УМ (что предполагает Д. А. Петров) текстологических оснований нет; скорее, в них следует видеть дополнение, сделанное независимо в архетипе Карамзинской группы и Соловецком списке.

ориентировался в новгородской топографии, зная ее не понаслышке, но конкретный административный смысл предписаний УМ был ему уже неясен или, во всяком случае, безразличен. Включая УМ в сборник, писец был озабочен тем, чтобы как-то соединить основной текст с маргиналиями, придав целому видимость связности. Этого можно было достичь, “привязав” маргиналии к тем фрагментам основного текста, с которыми они топографически перекликались. Для этого, однако, текст УМ необходимо было определенным образом приспособить к введению в него иностранных фрагментов. Считаем, что указанные выше структурные аномалии представляют собой не что иное, как следы такого приспособления.

Отдадим должное проницательности Д. А. Петрова, который — единственный из писавших об УМ, — реконструируя первоначальный текст, учитывает возможность таких возникающих на границах интерполяций искажений. По поводу повтора *а пидьбляномъ до Чудинцевъ улицѣ, а Чудинцевъ улицѣ с загородци...* он замечает: “Нам кажется, что здесь весьма высока вероятность механического повторения названия улицы и, вообще, повреждения текста, произошедшего, вероятно, при соединении вставки-интерполяции с основным текстом” [5. С. 31]. В том же ключе исследователь объясняет и двойное определение границы *до Остроу городнѣ, до софьянѣ*. К сожалению, эти верные наблюдения теряются в обилии лагун, перестановок и прочих повреждений первоначального текста, которые Д. А. Петров предполагает уже вне всякой связи с интерполяциями. С другой стороны, реконструкции, предлагаемые Д. А. Петровым для двух интересующих нас фрагментов, трудно счесть удовлетворительными. Рассматривая эти фрагменты подробнее, мы, по необходимости, должны коснуться и топографического аспекта.

По мнению Д. А. Петрова, из двух упоминаний Чудинцевой улицы вторичным, возникшим в результате внесения в текст интерполяции, является первое, которое, как считает исследователь, «несколько нарушает петлеобразный маршрут, “проложенный” рассматриваемым документом вокруг Новгорода» [5. С. 31]. Смысл этого аргумента для нас неясен. Как бы ни трактовать содержание первой интерполяции, нельзя не согласиться с В. Л. Яниным в том, что описанный маршрут ведет, хотя и окольным путем, в Новгород, и то, что в конечном счете он выводит на Чудинцеву улицу, вполне естественно. Между тем второе упоминание Чудинцевой улицы, как мы уже видели, аномально сразу в двух отношениях.

На основе всего сказанного заключаем: в исходном тексте УМ Чудинцева улица в качестве субъекта мощения не называлась, а упоминались только загородцы. С этим упоминанием писец интерполированной копии УМ и состыковал первую маргиналию, заканчивавшуюся упоминанием проходившей в Загородье Чудинцевой улицы; для этого ему потребовалось сделать “связку”: *до Чудинцевъ оулицѣ, а Чудинцевѣ улицѣ с загородци...*

Для реконструкции первоначального вида УМ такая трактовка данного места оборачивается весьма важным и довольно неожиданным следствием: словами *с загородци до городнихъ воротъ* заканчивается первая, очень длинная (в масштабах нашего текста) и риторически хорошо выстроенная фраза, описывающая участок мощения осьминок: *Осменикомъ поплата: въ Люднѣ конецъ чересь греблю к Добрыни улицы, в городная ворота до Пискоупли улицѣ, с проусы до Бориса и Глѣба мстити, с загородци до городнихъ воротъ*.

Реконструкция первоначального вида УМ в месте включения в него второй маргиналии сопряжена с большими трудностями. Приступая к ней, необходимо прежде всего разобраться в структуре самой интерполяции. Традиционно считается, что в

ней перечисляются новгородские сотни: городские и “волостные”. Однако, если первые в тексте действительно называются, то “волостные сотни” представляют собой историографический миф, основанный на неверном понимании синтаксической структуры перечня. Этот перечень включает 19 единиц, пронумерованных подряд буквенной цифирью. При некоторых цифрах имеются “фонетические распространители”, обозначающие окончания соответствующих порядковых прилагательных: 1-я ‘первая’, 3-я ‘третья’ и т. д. По мнению большинства историков, писавших об этом тексте, пронумерованными таким образом являются сами сотни: Давыдова, Слепцова и др. — в первой части перечня, Ржевская, Бежицкая и др. — во второй его части. При этом сочетание *Давыжа ста* и следующие за ним тракуются исследователями (начиная, кажется, с Б. А. Рыбакова [8]) как стоящие в именительном падеже и имеющие своим главным компонентом существительное *ста женского рода. Отсутствие этого компонента во второй части перечня, начиная с пункта 11-я княжа, рассматривается как результат сокращения, то есть предполагается, например, что за записью 13 *Бежичкая* стоит “Бежицкая ста”, за записью 14 *Вочьская* — “Водская ста” и т. д.

Лингвистическая несостоятельность и даже абсурдность такой трактовки вполне очевидны. Слово *ста женского рода ни в каком славянском языке никогда не существовало, и в тексте его нет. Пронумерованными единицами перечня являются, следовательно, не сотни — ими могут быть только звенья (секции) Великого моста, обозначенные существительными женского рода, к которым и относятся определения *первая*, *вторая* и т. д. Сочетания же *Давыжа ста*, *Слѣпцева ста* и др. стоят не в именительном, а в родительном падеже; формы номинатива здесь будут соответственно *Давыже сто* и *Слѣпцево сто*. Таким образом, запись 1-я *Давыжа ста* означает: ‘Первая (секция) — Давыдовой сотни’.

Вторая часть перечня организована иначе. Здесь прилагательные *княжа*, *Ржевская*, *Бежичкаа* и др. имеют форму именительного падежа женского рода, согласуясь с тем же подразумеваемым названием мостового звена. То есть 12 *Ржевская* следует понимать: ‘двенадцатая (секция) — ржевская’, т.е. строится на средства Ржевы.

Несовпадение грамматических структур двух частей перечня объясняется строго соблюдавшимися в раннедревнерусскую эпоху правилами выражения отношений принадлежности. Согласно этим правилам, данное отношение регулярно выражается не родительным падежом имени обладателя, а притяжательным прилагательным; если же наименование обладателя представляет собой словосочетание, оно принимает форму родительного падежа. Ярким примером действия данного правила могут служить варианты заголовка нашего памятника: *А се оуставъ Ярославль...* (Пушкинский вид) и *А се оуставъ Ярослава князя* (Археографический вид).

В пределах интерполяции переход от одной модели к другой происходит во фрагменте: 10 *кн(я)жа ста*, 11 *княжа*. Центральное положение в структуре Великого моста — между звеньями, возводимыми на средства городских сотен (1–9) и новгородских волостей (12–19) — занимают звенья, строящиеся на средства княжеской сотни (10) и самого князя (11). В этом нельзя не увидеть своеобразного топографического символизма: структура Великого моста символически воплощает в себе структуру Новгородской земли, и при этом средоточием ее является князь⁶.

⁶ Специально заметим, что в таком прочтении (филологически — единственно возможном), фрагмент 11 *княжа* не содержит прямого указания на наличие территориальной доли князя в Новгородской земле, то есть княжеского домена. УМ сообщает лишь, что одна из городов Великого моста (11-я) была

Какое же слово скрывается за цифрами второй интерполяции УМ? В принципе, на роль общего термина для мостового звена подходят два существительных женского рода, в узком смысле обозначающих отдельные составные элементы моста, — *городня* и *рѣль*; первое обозначает мостовые опоры, второе — отрезки мостового настила. Упоминание релей в конце интерполированного фрагмента (*18 Поволховьскаа трои рѣль, 19 Южол'вичьскаа двои рѣль*) вроде бы говорит о том, что именно это слово называет в УМ мостовое звено в целом, включая и городню [1. С. 110]. Однако подстановка в текст данного термина делает конструкцию тавтологичной: *'18-я (рель) Поволховская, три рели'. Не исключено поэтому, что в интерполяции УМ пронумерованы все же городни, как наиболее трудоемкие и конструктивно сложные детали моста, тогда как *рѣль* используется как вспомогательный термин, при указании того, сколько звеньев моста от соответствующей городни приходится на долю той или иной волости. Существенно также, что в многочисленных летописных (в НПЛ) упоминаниях Великого моста фигурируют исключительно городни, поэтому независимо от того, что подразумевал под буквенной цифирью автор интерполированной маргиналии, с точки зрения интерполятора естественно было предположить, что речь идет именно о городнях моста.

В связи с этим нельзя не признать глубоко не случайным, что интерполированный фрагмент начинается непосредственно за словами *до Остроу городнѣ*. Слово *городня* связывает основной текст УМ и интерполяцию, являясь по отношению к последней таким же “вынесенным за скобки” элементом, какими слова *поплата* и *мостити* являются по отношению к “Уставу” в целом.

В свете такого прочтения текста однозначно решается давно дискутируемый в литературе вопрос: какой топографический объект назван в УМ Острой городней? Существуют три точки зрения на эту проблему. Традиционный взгляд признает Острой городней первую со стороны Детинца береговую городню Великого моста, объясняя название тем, что городня эта располагалась на территории, называвшейся “Владычным островком” (см., напр., [9. С. 17]). В. Л. Янин [1. С. 100–101] считает, что так могла называться крайняя северная городня моста через овраг в Детинце, находившаяся на траверзе Софийского собора. Наконец, по мнению В. А. Бурова, Острая городня — одна из срединных городен Великого моста, соответствующая изображаемому на планах XVIII в. месту его изгиба (“перелома”) [4. С. 88].

Очевидно, что из этих трех вариантов идентификации Острой городни описанной выше структуре текста отвечает только первый: в этом случае переход от Острой городни к перечислению городен Великого моста оказывается вполне естественным. Отказ В. Л. Янина от этого традиционного взгляда был вызван невозможностью совместить его с предложенной исследователем реконструкцией первоначального текста УМ. Но, как мы теперь понимаем, необходимость в таком совмещении отсутствует, поскольку именно в данной точке эта реконструкция нуждается в корректировке, о чем сигнализирует отмеченная выше структурная аномалия.

Следует думать, что упоминание Острой городни, в реконструкции В. Л. Янина дублирующее другое определение границы участка (*до софьянѣ*), в первоначальном тексте отсутствовало и было, подобно словам *а Чюдинчевѣ улицѣ*, добавлено в качестве “связки”, вводящей интерполяцию с перечислением городен Великого моста. В таком случае первоначальное состояние данного места реконструируется сле-

---

“княжеской”, т. е. возводилась князем на собственные средства; каков был источник этих средств — это уже другой вопрос.

дующим образом: *А владыцѣ съ изгой сквозѣ городная ворота и съ другими изгой до софьянѣ; софьяном до тысячьского, тысячьскому до вошьникѣ...

Как уже было сказано, составитель юридического сборника, в составе которого впервые появился интерполированный текст УМ, хорошо знал топографию Новгорода, так что добавление им “от себя” Острой городни к перечислению городен Великого моста, не должно показаться странным. Однако, оформив таким образом включаемую в текст маргиналию, он все же ошибся с местом вставки, в результате чего в интерполированном тексте участок софьян оказался перенесен на противолежащий Детинцу берег Волхова. Правильно было бы произвести вставку иначе: *софьяномъ до Острои городни. ѿ-я Давыѣжа ста ...

Все сказанное позволяет предложить следующую реконструкцию первоначального текста памятника (места исключенных вставок обозначены [...]):

[0]А се оуставъ Ярослава княза о мостѣхъ. [1] Осмьникомъ поплата: (а) въ Людинъ коньць через греблю къ Добрыни улицы, (b) въ городьнаѣ ворота до Пискупль улицѣ, (с) съ проусы до Бориса и Глѣба мостити, [...] (d) съ загородьци до городьнихъ воротъ; [2] а владыцѣ (а) съ изгой сквозѣ городьнаѣ ворота и (b) съ другими изгой до [...] софьянѣ; [3] софьяномъ до тысячьского; [4] тысячьскому до вошьникѣ; [5] ѿ вошьникѣ посадьникуо до великого радуо; [6] ѿ великого радуо князю до нѣмечьского вымола; [7] нѣмьцемъ до Ивана вымола; [8] гѣтомъ до Альфѣрдова вымола до задьнего; [9] ѿ Альфѣрдова вымола огнищаномъ до Будатина вымола; [10] ильиньцемъ до Матьфѣева вымола; [11] михайловьцемъ до Бардовы оулицѣ; [12] витѣковьцемъ до Климатиньхъ сѣнии.

Предлагаемая реконструкция обладает, на наш взгляд, следующими преимуществами, позволяющими ей претендовать на объективность. С одной стороны, она абсолютно последовательно базируется на тексте Комиссионного списка, точнее всего отражающего архетип памятника. С другой стороны, она не предполагает наличия в этом архетипе никаких лакун и прочих механических искажений, кроме двух “связок”, сознательно введенных при внесении в исходный текст добавлений-маргиналий; наличие этих связок подтверждается структурными аномалиями, фиксируемыми на границах основного текста и интерполяций.

Опираясь преимущественно на филологические данные, предлагаемая реконструкция в то же время значительно облегчает задачу историко-топографической интерпретации УМ, снимая ряд противоречий и вопросов, до сих пор не находивших убедительного разрешения. Это относится как к составу участников мощения, так и к границам участков.

Начнем со второго аспекта, как более частного. В данном отношении ситуацию сильно проясняет признание соединительной вставкой упоминания Острой городни. Реконструированный выше механизм внесения в текст второй интерполяции позволяет, как уже было сказано, остаться при традиционном понимании этого названия: так называлась первая (западная) городня Великого моста. Что же касается границы участков мощения владыки и софьян (до софьянѣ), то она очевидна: это сам Софийский собор, до траверза которого поперечную улицу Детинца мостит владыка, а далее — софьяне, доводящие мощение “до тысячьского” (т.е. до Великого моста, строительство которого находилось, очевидно, в ведении тысяцкого). Именно так, по существу, определяет эти участки и В. Л. Янин; наша реконструкция лишь сни-

мает все препятствия к принятию данной трактовки, освобождая ее от сомнительной локализации Острой городни посредине нынешнего Кремля.

Иначе обстоит дело с составом участников мощения, который, в свете разделяемой нами поправки А. В. Кузы к чтению начала текста и признания вторичной связкой слов *а Чюдинчевъ улицѣ*, существенно преобразуется по сравнению с реконструкцией В. Л. Янина. Оказывается, что ни одна из улиц Софийской стороны самостоятельным субъектом мощения в УМ не является, как не является им и Людин конец, упоминаемый лишь как топографический ориентир. Плату за мощение дорог в Детинце и подъездов к нему с южной и западной сторон УМ разверстывает между тремя главными участниками: это 1) осьмники, 2) владыка, 3) софьяне. При этом осьмники мостят часть находящихся в их ведении территорий совместно с “прусами” (1с) и “загородцами” (1d), заодно с владыкой выступают две группы изгоев, а софьяне действуют самостоятельно.

Этот расклад представляет чрезвычайный интерес. В том, что касается второго и третьего участников, он вполне очевиден: владыка и софьяне мостят улицу, ограничивающую с юга территорию Владычного двора и софийского “Буевища”, действуя “на своей территории”. Но как объяснить, что организующая роль в мощении всей южной части территории нынешнего Кремля и подходов к нему со стороны Людина конца, Прусской улицы и Загородья принадлежит осьмникам, которые таким образом занимают в общей структуре нашего текста исключительное положение? Ответ на этот вопрос зависит от понимания того, кто были осьмники “Устава о мостех”.

Специальная работа, посвященная выяснению данного вопроса [10], дает на него простой и легко предсказуемый ответ: осменниками (осьмниками) назывались сборщики особой пошлины — *осьмничего*. Последний термин засвидетельствован источниками с середины XIV в., он неоднократно представлен в грамотах московских князей: *а из городскіихъ волостию даю княгини своѣи осмничекъ* [11. № 1. ~1339]; *не надобѣ имѣ никоторая дань, ни ямь, ни подвода, ни тамга, ни осмничее, ни сторожевое* [12. № 116. ~1362–1364] и т. д. (см. [13. Т. 6. С. 173]). Торговый характер этой пошлины, взимавшейся с действительного оборота (*а тамгы и осмничее(з) ѡ(т) рубля алты(н)...* *а тамга и осмничее в(з)а(т), а оже имет торговати*) [11. № 15. ~1396 г.], объясняет в глазах исследователей и появление осьмников в УМ, в котором центральное место отведена магистралям, обслуживающим Торг (см. цитированную выше общую характеристику В. Л. Яниным содержания документа).

Принять данное построение невозможно по ряду соображений. Во-первых, оно исходит из неверной, как мы теперь знаем, трактовки слов *осменикомъ поплата* как отдельной фразы, поручающей осьмникам сбор “поплаты” за мощение. В своей действительной роли одного из субъектов мощения осьмники оказываются определенно связаны вовсе не с Торгом, а с южной частью Детинца, что, если считать их сборщиками торговой пошлины, не может не удивлять.

Во-вторых, в рамках обсуждаемого построения значение слова *осьмникъ* определяется через слово *осьмничье*, хотя направленность словообразовательной зависимости здесь явно была иной. Данная пара терминов устроена принципиально иначе, чем, скажем, пара *таможникъ ~ тамга*, в которой названия сборщика пошлины действительно является производным от названия пошлины. Она отличается и от структурно более близких пар типа *вѣсьць ~ вѣсьчее*, *письць ~ письчее*: хотя формально названия платежей в таких парах могут быть трактованы как образованные от названий лиц, в них правильнее вычленять сложный формант *-ч-ее*, присоеди-

няемый к глагольной основе (*вѣсьче* скорее соотносится с процедурой взвешивания, чем с осуществляющим ее лицом, то есть связывается непосредственно с *вѣсить*). Поскольку формант *-нич-ее* в подобной функции не засвидетельствован, возводить *осмъничче* напрямую к *осмь* или *осмыи* не приходится, и единственной производящей основой для этой лексемы остается *осмъникъ*. Содержащее в своем составе суффикс притяжательного прилагательного, *осмъничче* так же соотносится с *осмъникъ*, как, например, *посадъниччи* — с *посадъникъ* (с точностью до лексикализованной в первом случае формы среднего рода).

Но если *осмъничче* называлось так, потому что собиралось осмъниками, а не наоборот, то откуда получили свое название сами осмъники? Может быть, от размера собиравшейся ими пошрины? — ср. соотношение: *десятина* (десятая часть) — *десятинъникъ* (сборщик десятины) — *десятинъниччи пошрины* [14. Т. 1. С. 658–659]. Однако, с одной стороны, как уже отмечалось [10], *осмъничче* никогда не составляло восьмой части стоимости товара, но взималось в значительно меньшем количестве; с другой стороны, в таком случае ожидалось бы образование от суффиксальной основы — **осмиъникъ*⁷.

Словообразовательной параллелью к *осмъникъ* является не *десятинъникъ*, а *десятьникъ*, что и подсказывает ответ на интересующий нас вопрос. Все существительные, построенные по этой модели, то есть образованные от числительных при помощи суффикса *-никъ* (*десятьникъ*, *сътьникъ*, *тысящъникъ*, *тьмъникъ*) имеют однотипные значения, называя начальников соответствующих подразделений: десятка, сотни и т. д. Входя в этот ряд, *осмъникъ* может означать лишь одно — ‘предводитель восьми’.

Данное предположение могло бы показаться слишком рискованным и даже авантюрным, если бы оно не находило прямого подтверждения в таком значительном историческом документе, как берестяная грамота № 724, датируемая, по упоминанию в ней посадника Захарии и князя Андрея Боголюбского, 1161–1167 гг. Автор грамоты Савва, описывая в письме “к братии и дружине” свои злоключения во время сбора дани в Заволочье, упоминает о столкновении его отряда с людьми Андрея Боголюбского и заканчивает письмо следующим пассажем: *...и осьмь высагла что о Тѣдоре. Порозѣмѣте, братье, емѣ даче что въ т[о] емѣ състане тагота тамъ и съ дрѣжиною егъ.* (Перевод: ‘А восемь (человек), что под началом Тудора, вырвались (или: вышли из повиновения). Отнеситесь же с пониманием, братья, к нему, если там из-за этого приключится тягота ему и дружине его’) [16. С. 295–296]. Контекст не оставляет сомнений в том, что *осьмь* в данном случае — не просто горстка случайно уцелевших (или нарушивших присягу) людей, но небольшой отряд, имеющий своего предводителя и составляющий звено более крупного подразделе-

⁷ Данное слово известно из письменных источников, однако в совершенно ином, неличном значении, как название меры сыпучих тел [15. С. 115]. Заметим, что наряду с (*в*)*осмиъничче* в текстах встречаются и варианты (*в*)*осминичче*, *осмичче*, *осминное* и даже *осминничные деньги* [15. С. 115]. Все они, однако, выступают в памятниках XV–XVI вв. (древнейший пример в грамоте 1396 г.), тогда как в более ранних документах представлен исключительно вариант *осм(ь)ничче*. Хронологическое распределение примеров позволяет говорить об имевшем место на рубеже XIV–XV вв. переосмыслении термина вследствие забвения его внутренней формы. Что же касается выступающего в нашем памятнике варианта *осменикъ*, орфографически адаптированного в исторической литературе в форме *осменник*, то он имеет фонетическую природу и соотносится с исходной формой как *числен(н)икъ* с *числьникъ*. В источниках представлен и вариант с утратой слабого редуцированного — *осмикъ*, на который ориентирована используемая нами форма данного термина (*осмикъ воеводинъ* в Уставной грамоте великого князя Александра киевляна 1499 г.) [14. Т. 2. С. 729].

ния, своего рода “микро-дружина” Тудора в составе дружины Саввы. Предводитель такой “восьмерки” Тудор имел все основания называться осьмником⁸.

Специально отметим два обстоятельства, делающих проводимую нами связь между осьмниками УМ и “осьмью” грамоты № 724 особенно тесной. В продолжении своего письма автор грамоты, отвергая обвинение его в самозванчестве, говорит, что участки “от Волока и от Мсты” (имеются в виду, очевидно, участки для сбора дани, а не земельные наделы) дал своим “сельчанам” сам князь; это дает основание видеть в Савве княжеского человека, тем самым связывая с князем и осьмников вроде Тудора. Тот факт, что княжеский устав начинает разверстку мостовой повинности именно с осьмников получает тем самым вполне логичное объяснение.

Показательно, с другой стороны, место находки грамоты № 724: она была найдена на Михаилоархангельском раскопе близ Прусской улицы. “Прусов” УМ особенно тесно связывает с осьмниками, поручая их совместной ответственности участок “до Бориса и Глеба”. Само посвящение этой церкви, уже в начале XIII в. выступающей как «вечевой храм “прушан” и организуемых ими территорий» [1. С. 128], свидетельствует о нахождении “прусов” в особо тесных отношениях с князем: борисоглебский культ в эту эпоху носил еще отчетливо княжеский характер.

Другим “со-участником” осьмников выступают в УМ загородцы, вместе с которыми осьмники отвечают за мощение западных подступов к Детинцу. Примечательно, что аналогичный участок с южной стороны Детинца мостится осьмниками самостоятельно, и даже направление мощения указано здесь иначе — не в Детинец, а из него, *въ Людинь конець*. Тому обстоятельству, что сам Людин конец среди субъектов мощения не упомянут, правдоподобное объяснение дает А. В. Куза: УМ разверстывает мостовую повинность “только между высшими представителями государственной власти и населением, находящимся под непосредственной юрисдикцией князя (курсив мой. — А.Г.); жившая в концах основная масса новгородского боярства с зависимыми людьми мостила свои улицы под надзором кончанской администрации” [3. С. 304].

Развивая этот тезис, В. А. Буров [4. С. 92–94] связывает нахождение “прусов” и “загородцев” в княжеской юрисдикции с пришлым характером здешнего населения: исследователь с доверием относится к историческому преданию, выводящему крупнейший боярский род Прусской улицы — Михалковичей — из Пруссии. Время появления на страницах летописи первого представителя этой семьи — Михалка Степанича (впервые под 1175 г. [6. С. 35, 224]), и в самом деле хорошо согласуется с археологическими свидетельствами исчезновения к середине XII в. прусской дружины (см.: [20]). Вместе с тем трудно не согласиться с В. Л. Яниным [1. С. 211],

---

⁸ Согласно гипотезе, развиваемой нами в отдельной работе [17] засвидетельствованная таким образом модель организации древнерусской дружины, имела своим основанием 7: именно столько рядовых воинов насчитывала “дружина” Тудора, составлявшая вместе со своим предводителем “осьмь”. В контексте настоящей работы для нас существенна сама связь древнерусских осьмников с дружинной средой, проливающая свет на характер употребления данного термина в источниках. Наиболее ранним из них является упоминание Ипатьевской летописи о том, что смерть Юрия Долгорукого случилась после того, как князь пировал у осьмника Петрила: *пиев бо Юрги въ осменика оу Петрила, въ ть днь на ночь разболъса* [18. С. 489]. Естественно думать, что князь пировал у своего дружинника, а не просто у сборщика торговых пошлин. Усвоение фискальных и полицейских обязанностей лицам из княжеской дружины — явление достаточно обычное для древней Руси. Ту же двойственность обнаруживают и такие социальные группы как *детские*, *мечники*, *отроки*, выступающие, с одной стороны, как княжеские дружинники, слуги, телохранители, а с другой — как сборщики податей и судебные исполнители, причем эти последние функции носят безусловно вторичный характер (см.: [19. С. 71]).

считающим, что своего высокого положения в Новгороде второй половины XII в. эта семья могла достичь, только располагая здесь более глубокими корнями.

Такие корни, по-видимому, действительно имелись. Как мы предположили в [21], общее происхождение связывало Михалковичей с другой крупнейшей посадничьей семьей — Гюрятиничами-Роговичами: это были две ветви одного рода, восходившего, согласно разделяемой нами гипотезе А. А. Молчанова [22], к выходцу из Скандинавии Рёгнвальду (Рогволоду) Ульвссону, родственнику жены Ярослава Мудрого Ингигерд, прибывшему вместе с нею на Русь и получившему в “ярлство” Ладогу. Осевшие в Новгороде на княжеской службе потомки Рёгнвальда, вероятно, селились поначалу на Торговой стороне в окрестностях княжеского двора, но на рубеже XI–XII в., при Мстиславе Великом, переселились на Софийскую сторону, где быстро стали играть ведущую роль в общественной жизни Людина конца и прилегающих к нему территорий. Можно думать, что расселению выходцев из прусской дружины на будущей Прусской улице предшествовала и в какой-то мере обусловила ее “инфильтрация” в Людин конец представителей дружинной аристократии, происходившая, надо думать, при покровительстве князя.

Частью общего “наступления” князя на Софийскую сторону можно считать и расширение новгородского Детинца, произведенное в 1116 г., когда, по свидетельству НПЛ [б. С. 20], *Мстиславъ заложи Новъгородъ болии перваго*. Тогда, согласно реконструкции М. Х. Алешковского [9], была впервые обнесена укреплениями южная часть современного Кремля. В свете всего сказанного закономерным выглядит тот факт, что именно здесь локализуются участки, мощение которых УМ поручает осьмникам. Трудно сказать, составляли ли последние постоянный гарнизон, помещенный в новоприсоединенной части Детинца для охраны крепости, или же, образуя костяк дружины, ее “младший командный состав”, они просто отвечали за благоустройство этой территории — в любом случае присутствие на ней князя и его дружинного окружения оказывается в свете показаний УМ очень значительным.

Предлагаемая трактовка УМ влечет за собой, как видим, довольно обширные следствия для истории формирования территории новгородского Кремля. Она заставляет вспомнить старую точку зрения, признававшую значительную древность за существовавшим в позднее, московское время противопоставлением южной и северной половин Детинца как “княжеской” и “епископской” (см., напр.: [23]). Хотя такое деление безусловно не является исконным (что предполагали исследователи XIX в.), оно может в какой-то мере, пусть и достаточно опосредованно, восходить к ситуации XII в., сложившейся в результате расширения территории Детинца при Мстиславе и отраженной «Уставом о мостех»⁹.

⁹ Заметим, что изложенное представление, хорошо согласуясь со схемой развития Детинца, предложенной М. Х. Алешковским [9], вступает в противоречие с выводами новейшего археологического исследования данной проблематики, предпринятого С. В. Трояновским [24]. Согласно этим выводам, южная половина современного Кремля была впервые обнесена укреплениями не в 1116 г., а почти двумя столетиями позже, на рубеже XIII–XIV вв. Учитывая, что археологическое изучение Детинца пока находится в своей начальной стадии, мы сочли возможным, интерпретируя показания “Устава”, не сковывать себя рамками этой новой концепции, тем более что она, на наш взгляд, пока удовлетворительным образом не согласуется с показаниями письменных источников. Главным из препятствий, на которые наталкивается гипотеза о позднем возникновении “большого” Детинца, является упоминание в статьях НПЛ за XII в. церкви Бориса и Глеба (и только ее!) как находящейся “в граде”. Поскольку подозревать позднейшее происхождение этого определения оснований нет (достаточно сказать что сам Синодальный список НПЛ в этой его части датируется временем более ранним, чем конец XIII в.), оно остается для нас важнейшим свидетельством того, что южная половина нынешнего Кремля уже в середине XII в. входила в состав крепости.

Приложение. Текст “Устава о мостех” по Комиссионному (Археографическому) списку [25. С. 150–151].

А се оуставъ | Ъдрослава кн(я)за ш мостѣхъ, | шменикомъ поплата.

Въ Людинъ | конецъ чересь греблю к' Добрыни | оулицы, в городнаа ворота до Пи|скоупли оулицъ, с проусы до Бори|са и Глѣба мостити. || **А** тигожанамъ до коломланы, а коломланоу до Нередичьского мѡ|сту, нередичаномъ до верезанъ, а верезаномъ до пидьблан, | а пидьбланомъ до Чюдинчевѣ оулицъ, а Чюдинчевѣ оулицъ с за|городци до городныхъ воротъ; а вл(а)д(ы)цѣ сквозѣ городнаа ворота съ | изгой и съ друугыми изгой | до **У**строи городнѣ.

а-на Давы|жа ста, в-на Слѣпчава ста, г-на Бъ|выкова ста, д-на **Ш**лексина ста, е-на Ратиборова ста, ж-на Кондратова ста, з-на Романова ста, и-на Сидорова ста, ѳ-на Гаврилова ста, 1-на кн(я)жа ста, а-на кн(я)жа, в-на Р'жевская, г-на Бежичкаа, д-на Вочьскаа, е-на **Ш**бонискаа, ж-на Лоускаа, з-на Лш|пьскаа, и-на Поволховьскаа трои р|лѣ, ѳ-на **К**жол'вичьскаа двои | рилѣ.

до софьянъ, софьянш|мъ до тысячьского, тысячьско|моу до вошьникъ, шт вошьникъ | посаднику до великого раду, шт великоз(о) раду | кн(а)зю до Немѣцкого вымола, нѣм'цемъ до Ивана вымола, | г'томъ до Алфердова вымола дош заднего, а шт Алфердова вымола | унишаномъ до Боудатина вы|мола, ильин'цамъ до Матѣ|ева | вымола, михайловцамъ до Бардовы оулицъ, а виктовцамъ | до Климатиныхъ сѣней.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977.
2. Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде. М.; Л., 1941.
3. Куза А. В. Рец. на кн.: Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977 // Советская археология. 1979. № 4.
4. Буров В. А. Очерки истории и археологии средневекового Новгорода. М., 1994.
5. Петров Д. А. Проблемы исторической топографии Новгорода. М., 1999.
6. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 1950.
7. Насонов А. Н. “Русская земля” и образование территории древнерусского государства. М., 1951.
8. Рыбаков Б. А. Деление Новгородской земли на сотни в XIII в. // Исторические записки. М., 1938. Т. 2.
9. Алешковский М. Х. Новгородский детинец 1044–1430 гг. (по материалам новых исследований) // Архитектурное наследство. М., 1963. Вып. 14.
10. Семенов А. И. Осменники “Устава о мостех” // Новгородский исторический сборник. Новгород, 1961. Вып. 10.
11. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подг. к печ. Л. В. Черепнин. М.; Л., 1950.
12. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М., 1964. Т. III.
13. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1988. Т. 1.
14. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893–1903. Т. 1–3.
15. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. Т. 1.
16. Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 1995.
17. Гиппиус А. А. “Вожжей оленьих 28”: (Об одной числовой модели в древнерусских текстах) // Живая старина. 1997. № 3.
18. Полное собрание русских летописей. СПб., 1908. Т. 2.
19. Горский А. А. Древнерусская дружина. М., 1989.
20. Кулаков В. И. История Пруссии до 1283 г. М., 2003.
21. Гиппиус А. А. “Суть людие новгородци от рода варяжска”: опыт генеалогической реконструкции // Восточная Европа в древности и средневековье. Генеалогия как форма исторической памяти. XIII Чтения памяти В. Т. Пашуто. Москва, 11–13 апреля 2001. Материалы конференции. М., 2000.
22. Молчанов А. А. Ярл Рёгнвальд Ульвссон и его потомки на Руси (О происхождении ладожско-новгородского посадничьего рода Роговичей-Гюратиничей) // Памятники старины: Концепции. Открытия. Версии. Памяти Василия Дмитриевича Белещкого. СПб.; Псков, 1997.
23. Передольский В. С. Новгородские древности. Записка для местных изысканий. Новгород, 1898.
24. Трояновский С. В. Новгородский Детинец в X–XV вв. по археологическим данным. Автореферат дисс. канд. ист. наук. М., 2001.
25. Древнерусские княжеские уставы / Изд. подг. Я. Н. Шапов. М., 1976.